

АБИССИНЕЦ 3

— ★ — 1889 — ★ —

СЕРГЕЙ НАСОНОВСКИЙ • СЕРГЕЙ ЩЕРБАТЫХ

На краю Империи (С. Насоновский, С. Щербатых)

Сергей Насоновский
Абиссинец 1889. Том 3

«Автор»

«Автор»

2026

Насоновский С.

Абиссинец 1889. Том 3 / С. Насоновский — «Автор», «Автор», 2026 — (На краю Империи (С. Насоновский, С. Щербатых))

Продолжение приключений кубанского казака Андрея Громова в 1889 году. Он добрался до русской земли. Казалось бы, самое страшное осталось позади: Сагалло, французская петля, Красное море, чужие порты и долгий путь на окраину Империи. Но Уссурийский край быстро дал понять: испытания еще не закончились. Чужая память воина из будущего уже не просто подсказывает, как выжить. Она меняет Андрея, заставляет взрослеть быстрее и помогает искать свое место в мире конца XIX века.

© Насоновский С., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Неожиданная встреча	5
Глава 2. Запах динамита	12
Глава 3. Слово офицера	19
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Сергей Насоновский, Сергей Щербатых Абиссинец 1889. Том 3

Глава 1. Неожиданная встреча

Тяжёлые сходни легли на берег. Народ уже предвкушал и гадал, какие товары должны были привезти, галдеж разрастался. После недавних тревожных событий приход купеческого судна стал для станицы настоящим праздником.

Едва сходни закрепили, на пристань стали сходить важные пассажиры. Среди них был и дядя Аркадий.

Рядом с ним шёл чиновник лет сорока, крепко сбитый, в парадной форме Министерства путей сообщения. Тёмно-зелёный двубортный мундир сидел на нём как влитой. На воротнике и обшлагах чернел бархат с серебряным шитьём, на блестящих пуговицах виднелись скрещённые топор и якорь. Из-под полы мундира, на портуpee, выглядывала рукоять шпаги. Загорелое лицо обрамляли густые борода и усы, а на фуражке темнел бархатный околыш с серебряной кокардой.

— Аркадий Игнатьевич! — окликнул я, делая шаг навстречу.

Дядя обернулся, спокойно сошёл на берег и дождался, пока я подойду.

— Живой, чертяка! — сказал он и похлопал меня по плечу. — А я уж, признаться, наслушался всякого. Ну, здорово был, племяш!

Он слегка приобнял меня, осторожно, чтобы не разбередить рану.

— Слава Богу, Аркадий Игнатьевич, — ответил я.

Признаться, я и сам не ожидал, что так буду рад его видеть обрадуюсь, родная кровь как-никак.

Аркадий Игнатьевич повернулся к чиновнику, тот в это время рассматривал нашу станицу.

— Александр Иванович, познакомьтесь. Это мой племянник, Андрей Громов. Недавно переселился в эти края. Андрей, это господин Александр Иванович Урсати, начальник Южно-Уссурийской изыскательской экспедиции.

— Доброго здоровья, ваше высокоблагородие, — постарался вытянуться я.

Александр Иванович ответил легким, сдержанным кивком.

— Наслышан о вас, молодой человек. Аркадий Игнатьевич кое-что успел поведать о вашем переходе из Одессы, а потом и из Адена.

Дядька покосился на мою руку.

— А с рукой что, Андрей? Опять куда-то вляпался?

— Да так, дядя, в лапту под дождём играли, — отшутился я.

Рассказывать сейчас, где именно получил травму, было не время и не место. Да и по всему видно: Урсати с дядей прибыли сюда вовсе не из-за меня.

— Ладно, Андрей, сейчас дела решим и поговорим, — Аркадий Игнатьевич поправил фуражку. — Стоянка у нашего катера короткая. Где тут у вас станичное правление? Нам с атаманом переговорить нужно.

— Провожу. Тут всё рядом.

Мы поднялись от реки к центру станицы. У правления былолюдно, но, завидев парадный мундир инженера, казаки расступались. На крыльце стоял крестный. Увидев дядьку, он на миг замер, словно глазам не поверил. Потом лицо его расплылось в широкой улыбке.

— Аркадий!

Они крепко обнялись. У дяди даже фуражка съехала на затылок.

— Ох, Степан! Сколько лет! Гляжу, седина уже в усах! — хохотнул Аркадий Игнатьевич. — Да и я, как видишь, не молодею.

— Энто да. А ты, гляжу, и вовсе столичным франтом стал! — похлопал крестный его по спине.

Было видно: двум землякам, выросшим бок о бок, не терпелось поговорить вдоволь, им было что вспомнить. Но дядя быстро вернулся к делу.

— Степан, рад видеть, но времени в обрез, — он кивнул на Урсати, стоявшего чуть поодаль. — Это Александр Иванович. Нам к вашему атаману нужно.

— Денис Иванович у себя. Пойдёмте, ваше высокоблагородие, провожу.

Они скрылись за дверью, а я остался на улице. Делать мне внутри было нечего, и я решил пройтись до пристани, где уже всюю разгружали катер.

У воды увидел Ильку и Сашу. Они почему-то до сих пор не поднялись на борт. Чуть поодаль баба Серафима сидела на узлах и ворчала себе под нос, прижимая к боку корзину.

— Что стряслось? — спросил я, подходя ближе. — Чего на борт не идёте? Гудок, наверное, скоро дадут.

Саша раздражённо кивнула на катер.

— Стоим как неприкаянные. Капитан сказал: пока казённое добро не выгрузят, да начальство большое не подымется, остальных пассажиров не пускать. Вот и ждём.

Я перевёл взгляд на судно. На палубе кипела работа. Матросы вместе с казаками таскали на берег мешки, длинные ящики и тюки.

— Вот и добре! — услышал я знакомый голос.

Здоровяк сгрузил на землю тяжёлый мешок, вытер пот со лба и широко улыбнулся.

— Ну что, Абиссинец?! — радостно гаркнул Сашка Моренченко. — Иди хоть поздороваемся по-людски!

Я рассмеялся и шагнул к нему. Мы крепко обнялись.

— Легче, Саня, раздавишь. Рука, вишь, поломана, — скривился я.

— Да сказывали нам уже, что у вас тут случилось.

— Есть такое. Ничего, заживёт. Ты-то в Лончаково какими судьбами?

— А вот такими, Андрюха. Нас после «Костромы» ещё неделю во Владивостоке маринировали, в карантине. Всё думали да гадали, куда нас таких красивых отправить. Потом отрядили

в Большой Камень, там казачий гарнизон стоит. Вот я и тянул ляжку до поры. Мы все ждали указа о создании нового войска. Вы-то тут, поди, уже знаете?

— Как не знать. Недавно праздновали. Теперь наша станица к Уссурийскому казачьему войску относится.

— Ну вот! — просиял Моренченко. — Как указ вышел, нас десяток охочих набрали да сюда отправили. Граница у вас, говорят, беспокойная, а изыскателям господина Урсати охрана в тайге потребуется. Дальше уж не знаю. Скорей бы осесть на одном месте, а то надоело это все мотание.

Он махнул рукой в сторону выгруженного скарба. Там стояли прибывшие казаки, всего девять человек. Десятым выходит и был Моренченко. Чуть дальше, на узлах, сидели в ожидании три женщины с ребятишками. Значит, и семейные прибыли.

— Нам сейчас к вашему атаману надо, — Сашка оглядел станицу. — Чтобы как положено оформили, ну и узнать, куда нас на первое время определяют. Пока пай выделяют, пока курени свои срубим. Лето короткое, работы невпроворот.

— К атаману в правление, — показал я рукой.

— А ну, братцы! Хорош лясы точить! Стройся! — раздался голос их десятника.

Сашка подмигнул мне.

— Ладно, Абиссинец, ещё свидимся.

Он развернулся и побежал к своим. Казаки разобрались по ранжиру, подравняли строй, звякнули амуницией и двинулись к станичному правлению.

Я проводил их взглядом и вернулся к Ильке с Сашей. Они всё так же томились у сходней.

Саша смотрела на меня с улыбкой.

— Андрей, а чего этот казак тебя Абиссинцем кличет?

— Да как-то прилипло, когда мы ещё на «Костроме» шли.

Илька прищурился.

— Андрей, а этот здоровый казак с тобой тогда в Новой Москве от французов отбивался?

— Нет, Илька. Мы с Саней уже на «Костроме» сдружились. Я к ним в Адене сел, и потом морем несколько месяцев до Владивостока шли. Пару баек про Африку рассказал, казаки поохотились, вот и прилипло ко мне: Абиссинец. Теперь уже и не помню, кто первым назвал. Плыли-то мы тогда, как сельди в бочке.

Илька посмотрел на сопки за рекой и задумчиво произнёс:

— Абиссинец А что, звучит.

Мы с Сашей переглянулись и рассмеялись.

— А тот важный, в мундире, это кто был? — спросила Саша, отсмеявшись.

— Мой родной дядька, Громов Аркадий Игнатьевич, брат отца моего. Он торговый агент Добровольного флота. Это он меня сюда, в эти края, и сговорил. Я после Абиссинии да Адена домой, на Кубань, хотел возвращаться. Но там родни не осталось, а тут крестный есть. Вот дядя Аркадий и предложил сюда перебираться.

Саша лукаво прищурилась.

— Ну и как, доволен выбором?

— Как видишь, — усмехнулся я и помотал сломанной рукой. — Тут не соскучишься.

Мы снова рассмеялись. Легко, почти беззаботно. На миг даже показалось, будто всё плохое осталось позади: хунхузы, смерти, бесконечные дожди. Но боль в руке быстро вернула меня на грешную землю.

— Обождите меня тут немного, — сказал я. — Сбегаю к правлению, хоть парой слов с дядькой перекинусь. Он сейчас выйдет, сядет на катер, и поминай как звали. Сами видели, какая с ним птица важная. Долго ждать не станут.

— Беги, Абиссинец, подождём, — махнул рукой Илька, улыбнувшись.

Я поспешил вверх по улице.

Дядька с инженером и атаманом ещё заседали. На крыльце никого не было, зато в тени раскидистого кедра возле правления ожидали прибывшие казаки. Они уже знакомились с нашими, делились новостями и присматривались к станице, в которой им предстояло жить.

Ждать пришлось минут двадцать. Я прислонился плечом к нагретым солнцем брёвнам и стал слушать разговоры.

В центре внимания оказался Сашка Моренченко. Он размахивал руками и что-то в красках рассказывал Албазову и братьям Трофимовым. Здоровяк обернулся, заметил меня и радостно крикнул:

— О! Андрей! Подойди, чего ты там один стоишь, как бобыль?

Я подошёл. Сашка тут же хлопнул меня по здоровому плечу и продолжил, уже для всех:

— Ну и вот, слушайте дальше. Выхожу я от своего денника, слышу: шум, гам, кони бьются. Глядь, а Андрюха уже одного матроса в переборку припечатал, аж доски трещат. И к нему ещё трое с кулаками бегут. Ну я, ясное дело, стоять не стал. Раскидали мы эту матросню, а потом начальство сбежалось. Думали, всё, точно в карцер обоих определят. Могли ведь и под трибунал отдать. Да, Абиссинец?

Албазов, внимательно слушавший кубанца, удивлённо вскинул брови.

— Абиссинец? Это ты, что ли, Андрей?

— Ну да! — с удовольствием подтвердил Сашка. — На «Костроме» его все так звали. А он вам разве не говорил?

— Нет, — Албазов почесал подбородок и с улыбкой посмотрел на меня. — Он нам, похоже, много чего не рассказывал. Что ни день, то про Андрюху новые вести. То от хунзузов сбежать умудряется, то режет их пачками, то награды ему на грудь вешают, а теперь выясняется, что он ещё и Абиссинец.

Казаки заулыбались, разглядывая меня словно в первый раз. А Моренченко, воодушевлённый произведённым эффектом, уже продолжал:

— А-а, так вы ещё не знаете! Тогда послушайте, как мы с Андрюхой лошадиный ремонт с «Костромы» во Владивостоке на плашкоуты сгружали

— Андрей! — раздался голос с крыльца.

Я обернулся. На крыльце стояли Степан Анисимович и дядя Аркадий. Я кивнул казакам и отправился к ним.

— Да, чугушка нужна. Как без неё? — услышал я голос крестного. — Войска при нужде быстро перебросить, продовольствие, переселенцев, да и для торговли опять же. А уж если через наши земли она ляжет, тогда совсем хорошо будет. Эх, заживём тогда.

— Поглядим, Степан, поглядим. Пока изыскания пройдут, дело это небыстрое, — ответил дядька.

Потом заметил меня и похлопал крестного по плечу.

— Степан, ты извини, мы с Андреем на пару минут отойдём. По-семейному поговорим перед отплытием.

— Конечно, Аркаша, — понимающе кивнул Кравцов и ушёл в правление.

Мы с дядей отошли подальше от гомонящих казаков.

— Ну как ты тут устроился, племяш? — негромко спросил он. — Степан о тебе хорошо отзывается. Хвалит.

— Всё своим чередом, дядь Аркадий. Обживаюсь.

Дядька скользнул взглядом по моей руке и усмехнулся.

— Говорят, ты и повоевать успел? Ну да с такими соседями по-другому трудно.

Улыбка ушла с его лица. Аркадий Игнатьевич стал серьёзным.

— Возвращаясь к нашему делу, Андрей. То, что я под легендой торгового агента Добровольного флота иду в Хабаровку, правда. Под строительство чугушки выделяются большие, даже огромные деньги из казны. А где большие деньги, там и желающие карман набить в оче-

редь встают. Подрядчики, чиновники, посредники За ними глаз да глаз нужен. Но это только одна сторона.

Он достал из кармана портсигар, повертел в пальцах, но закуривать не стал.

— А вторая уже по моей части. И, выходит, теперь по твоей тоже. Помнишь, я в Адене рассказывал про Большую игру?

Я кивнул.

— Тут, Андрей, кажись, ее новая партия разворачивается. Железная дорога англичанам как кость в горле. Россия с ней получит прямой ход к Тихому океану, а с ним и влияние в здешних краях крепко усилится. И наоборот роль Суэцкого канала станет менее важной. Вот они и начинают пакостить, откуда могут. Думаю, у последнего налёта на станции по Уссури, включая ваше Лончаково, ноги могут оттуда расти. Это ж надо было бандитам как-то платить, кормить, оружие покупать. Самим такое организовать очень трудно. Почти невозможно. Да и сами нападения были хорошо продуманы, все по науке сделали черти. И это, Андрей, только начало.

Дядя оглянулся, проверяя, не греет ли кто уши, и шагнул ближе.

— Ещё один момент. Недавно во Владивостоке, на Миллионке, взяли двух манз. С виду-то они обычные артельщики. Только перепили и деньгами разбрасывались большими, каких у них быть никак не должно. Местные их тряхнули, ведь подумали, может, украли или еще где начудили. А вышло и того интереснее. При них нашли карты, вернее, рисунки. На них отметки русел, глубины, броды, повороты почтовых трактов, станции и много чего еще. Разобрались и поняли, что японцы нанимают манз для картографической работы, и вообще разведку ведут. Да и здесь, на нашей стороне, кто-то воду мутит. Пока в основном банды из беглых каторжан сколачивают, уже несколько случаев было по Амуру.

Я слушая его, вспомнил недавнюю встречу на берегу.

— Знаешь, дядь, были у нас тут одни манзы-отходники. Станичники говорят, каждое лето они приходят на работу в Лончаково наниматься. Им даже русские имена почти всем дали, чтобы не путать. Ушли они аккуратно перед дождями. Накануне нападения, кстати.

Я помолчал и добавил:

— И ещё приметил, как двое из них по мелководью с шестами лазали, записи делали. Мне тогда объяснили, что рыбачить собираются. Я о том крестному говорил, а потом нападение это

— Где они сейчас?

— Божились, что после дождей вернуться. Вон там, за излучиной, их лагерь стоял.

Аркадий Игнатьевич кивнул и убрал портсигар.

— Хорошо, Андрей. Вот такие мелочи подмечай и в уме держи, а лучше записывай. Как эти рыбаки вернуться, ты не спугни их. Понаблюдай тихо, узнай, что делают, куда ходят, с кем из местных чаще встречаются. Погляди, не уходит ли кто из них на тот берег.

— Понял, дядя. Пригляжу.

— Я с Александром Ивановичем в Хабаровку схожу, дела там обустрою. На обратном пути обязательно остановлюсь в Лончаково на пару дней. Тогда мы и с тобой, и со Степаном хорошенько посидим, а не как сейчас второпях. Ну и, если выдастся, с этими манзами-рыбаками по душам поговорим.

— Аркадий! — донёсся голос крестного.

Степан Анисимович подошёл со стороны правления. За его спиной маячил капитан катера и то и дело поглядывал на карманные часы.

— Аркадий Игнатич, к атаману в кабинет зайди. Господин Урсати требует твоего присутствия. Там у них по картам с местностью что-то не сходится.

Дядя кивнул, поправил мундир и пошагал к Огороднику.

Капитан за спиной крестного не выдержал:

— Степан Анисимович, помилуйте! Это же надолго. Мы и так по графику отстаём, отчаливать пора!

Крестный повернулся к нему.

— А ты, Андрей Викторович, не суетись. Тут дело государственной важности. Твой купец потом за эту задержку ещё в ножки поклонится. Сказано обождать, значит, обождите.

Капитан махнул рукой и двинул к пристани. Дядька кивнул мне, мол, позже договорим, и направился в правление, откуда уже доносились громкие голоса Урсати и атамана.

Когда они ушли, крестный повернулся ко мне.

— Значит так, Андрей. Как катер отчалит, поедем с тобой в Козловскую. Земельный пай станем оформлять.

— Прямо сегодня? — удивился я.

— А чего тянуть? С землёй сразу разбираться надо. Я для тебя один хороший кусок присмотрел. А новые станичники, что прибыли, быстро осмотрятся и вмиг тебя обставят. Оглядеться не успеешь, лучшие пай разберут. Будешь потом где-нибудь на буераках куковать.

— А куда кубанцев этих определяют? Казармы-то у нас нет.

— По дворам такую ораву не пристроишь. Пока в станичный амбар поселим, места там хватит. Быт себе сами помаленьку сладят. Даст Бог, за лето поможем новые дворы срубить. Леса кругом вдоволь. Сначала семейным поставим, потом и холостым.

Он покосился на меня с хитрецей.

— Хотя смотрю я на Сашку и думаю: а что? Ладная бы из вас семья вышла. Девка бойкая, правильная, казачка опять же.

Я только качнул головой, уходя от ответа.

— Ладно, дело молодое, — усмехнулся крестный. — Пошли в курень, седлать коней будем. Пока суть да дело.

На подходе к дому Степан Анисимович вдруг свернул с тропы.

— Давай-ка забор обойдём.

Мы углубились туда, где станица переходила в густую чащу, и вскоре вышли на просторную поляну, заросшую папоротником.

— Видишь? — крестный обвёл рукой участок. — Тут земля выше моей. Паводком её не достанет. А если дальше к кромке тайги пройти

Мы сделали ещё несколько десятков шагов. Деревья расступились, открывая вид на глубокий широкий овраг. На дне его вилась небольшая речушка.

— Получается, ты тут, на краю оврага, сможешь крепким заплотом оцетиниться. С тыла ни один лиходей не подберётся. И рыба будет считай под рукой. Речка летом мелкая, по колено, а по весне разливается, но не шибко, морды ставить можно. Зато вода чистейшая. Послушай меня, — ткнул меня пальцем в грудь крестный,

— Этот участок, Андрей, надо брать. Прямо соседями будем, ведь от моего забора до твоего рукой подать. Строиться можно не торопясь, пока всё равно у нас живёшь. Но думать уже пора начинать.

Я окинул взглядом место. Оно и правда было ладное. На небольшом подъёме овраг за спиной, вода рядом, лес опять же. Для хорошего куреня лучше и не придумаешь.

— Дело хорошее, Степан Анисимович, — проговорил я, прикидывая расстояния. — Только вот что подумал. Когда мы от хунхузов по куреням сидели и отстреливались, связи между дворами почти не было. А если бы можно было перебегать от одного дома к другому? Под землёй, например, да или хотя бы по защищённому ходу.

Крестный задумался, а я указал от воображаемой границы своего участка к его забору.

— Что, если от моего будущего куреня до вашего проложить крытый коридор? Траншею выкопаем, укрепим толстыми брёвнами, сверху дерном обложим. А в стенах скрытые бойницы прорубим. Выйдет серьёзный такой оборонительный рубеж.

— Хорошее дело говоришь, Андрей, — медленно произнёс крестный. —хлопотно, конечно. Но так, почитай, всю станицу можно в единую крепость связать. Надо с атаманом обмозговать.

Он хлопнул меня по спине и улыбнулся.

— Ну что, Андрей? Берём землю?

— Берём.

Мы вернулись во двор.

— Кстати, Беркута твоего пора забирать, — сказал Степан Анисимович. — Атаман бумаги уже подготовил, конь теперь за тобой числится. А кобылу Александры давай пока в станичную конюшню переведём на постой.

Мы выехали со двора и рысью направились к правлению. За закрытыми окнами кабинета атамана спор был в самом разгаре.

Степан Анисимович натянул поводья, останавливая коня.

— Не закончили ещё, — усмехнулся он. — Ладно, Андрей, ступай пока к своим на берег, проводи Сашку. А как катер отчалит, дуй сюда.

Я оставил Грома у коновязи.

Тут снова появился капитан. Он настойчиво постучал в окно, оттуда выглянул дядька. Капитан уже набрал воздуха, чтобы ругаться, но дядя его опередил:

— Сейчас, Андрей Викторович. Господин Урсати с атаманом по бумагам почти закончили. Ещё пять минут, и отчалите. Можете пока машину запускать.

Крестный заметил меня и крикнул:

— Беги к причалу, Андрей, я сейчас подойду.

На берегу утомлённые Илька с Сашей сидели на бревне. Баба Серафима устроилась неподалёку, приглядывала за узлами и уже поглядывала на катер так, будто собиралась брать его штурмом.

— Ну что, не сгорели тут на солнышке? — спросил я.

Илька посмотрел на стоящий у причала катер и вздохнул.

— Пока ждём, я бы на своей лошади уже до Хабаровки доскакал.

— А я уже пожалела, что вообще собралась, — проворчала Саша.

В этот момент со стороны правления показалась процессия: мой дядька, Денис Иванович, крестный и Урсати.

Капитан заметно оживился, выскочил к сходням и скомандовал:

— Так, народ! Готовьтесь грузиться! Времени на всё про всё десять минут!

И тут я понял, что за разговорами о шпионах и картах забыл спросить у дядьки самое главное. Когда его ждать обратно? Как подать весть, если он задержится? Кому писать, если манзы-рыбаки вернутся раньше?

Я сорвался с места и побежал ему навстречу. Илька с Сашей поднялись, подхватили вещи и неспешно пошли следом, готовясь наконец попасть на борт.

— Аркадий Игнатьевич! — крикнул я.

Но дядька меня не услышал. Гомона на пристани хватало.

Как раз в этот миг капитан отдал команду, огласив всю пристань:

— Заводи машину!

Из глубины катера донёсся металлический лязг. Машина издала первый рык, готовясь проверить плиты.

В следующую секунду оглушительный грохот ударил по ушам. Над рекой взметнулся ослепительный столб огня, чёрного дыма и воды. Катер у всех на глазах разнесло в щепки.

Ударная волна швырнула меня назад. Земля, небо, дым и пристань смешались в чёрную кашу. А в ушах устойчиво стоял ревущий гул этого безумия.

Глава 2. Запах динамита

Я лежал на спине. Надо мной плыли серые облака. Почему серые, я в тот миг не понимал. В ушах звенело, тело ломило так, будто меня тащили по камням и довольно далеко.

Попытался приподняться и тут же зашипел от боли. Когда в голове чуть прояснилось, я повернулся к реке.

Взрывом катеру разворотило корму и машинное отделение. Швартовы лопнули, искореженный дымящийся остов отбросило на стремнину. Его протащило ниже по течению, пока более-менее целая носовая часть не врезалась в отмель дальше за станицей. От судна уцелела только шкиперская рубка на носу, да торчал заваленный обломками шпиль.

Сквозь звон в ушах пробились крики, ржание перепуганных лошадей, топот ног. Я с трудом сел и огляделся.

Илька и Саша были недалеко. Их спас штабель ящиков. Сашка сидела на земле, обхватив голову руками, а гольд, шатаясь, пытался поднять ее за локоть.

Тем, кто стоял ближе к сходням, не повезло. Люди лежали вповалку. Из пассажиров, толпившихся у самой воды, трое уже не подавали признаков жизни.

Чуть поодаль лежал и инженер Урсати. Над ним, опустившись на колени, суетился дядька, нащупывая пульс. Лицо крестного было залито кровью от мелких рассечений, но сам он держался на ногах.

Атаману Денису Ивановичу досталось тяжелее всех. Он оказался совсем близко к катеру в момент взрыва и теперь лежал ко мне спиной. Из-под правой ключицы у него торчал скрученный кусок металла.

Со стороны правления к реке уже бежали станичники.

— Стой! Ничего не трогать! Назад! — срывая голос, кричал дядька, пытаясь оттеснить толпу от места взрыва.

Но его не слушали.

— Аркадий, ты чего, полицмейстером себя возомнил? — подлетел к нему Степан Анисимович. — Ты же торговый агент. Куда ты лезешь?

— Степан, что тебе непонятно во фразе «торговый агент»? — холодно процедил дядька, выделив последнее слово.

Крестный на миг осекся, взглядываясь ему в глаза.

— Понял, Аркадий. Понял.

Он рывком выдернул револьвер из кобуры Огородника и вскинул руку. Выстрел в воздух мигом отрезвил толпу. Люди шарахнулись в стороны.

— А ну стоять, мать вашу! Без команды не лезть! Сначала выносим живых! Убитых оставить там, где лежат! Обломки, железо, всё вокруг не трогать!

Теперь его услышали. Инженера Урсати, атамана и ещё нескольких покалеченных начали осторожно переносить наверх. Кто-то сообразил и погнался к берегу телеги.

В станичном амбаре на ходу разворачивали лазарет. Командование взял Юдинцев. По его приказу тащили кровати, простыни на бинты, карболку, спирт и самогон для обработки ран.

Закатав рукава по локоть, он оперировал на двух сдвинутых столах. Оценив запасы, выскочил на крыльцо и нашел взглядом Ильку.

— Илларион! Бери людей, дуй в тайгу. Мне нужна сосновая живица и мох. Много!

Илька кивнул, прихватил пару малолеток и ушел в лес. Женщины, среди них Саша с Нюркой, вызвались помочь Юдинцеву.

Инженер Урсати очнулся примерно через час. Сильная контузия у него, ушибы, но благо жив остался. Решили не держать его в общем амбаре, слишком уж важная птица, да и обстоятельства трагедии выходили мутные. Урсати перенесли в кабинет атамана, под охрану.

Юдинцев провел сложную операцию Денису Ивановичу. Вытащил железяку, зашил рану, а когда вышел на крыльцо глотнуть воздуха, по лицу его я понял, что дело худо.

— Сделал что мог, — сказал он крестному. — Но шансов у Иваныча мало.

Все это время дядька Аркадий ходил по берегу с блокнотом, зарисовывая и описывая каждую деталь. Степан Анисимович выставил у воды оцепление, чтобы туда не пролезли любопытные и страждущие.

Я стоял у реки и прикидывал, чем могу помочь.

И тут опыт Добрецова, не раз уже выручавший меня в этом беспокойном году, опять проснулся. Я повел носом и понял, что пахнет не только углем и горелым деревом. В воздухе держался резкий кислотный душок. И сила взрыва была слишком велика. Паровой котел так не рванул бы. Здесь сработала взрывчатка.

Я ещё раз втянул воздух носом, прикрыл глаза.

Динамит. Пахло динамитом.

Вгляделся в толпу, снующую между правлением и рекой. Взгляд зацепился за неприметного человека. С виду обычный мастеровой, явно не из станичников. Одежда вся в грязи, словно его вывалили в пыли. А лицо чистое: ни царапины, ни копоты, ни рассечения.

Все, кто стоял рядом с катером, пострадали. Особенно у сходней. А этот, похоже, держался в стороне. Взрывом его просто швырнуло лицом в землю, вот и грязь.

Пока я крутил эти мысли, мимо быстрым шагом прошел дядька.

— Андрей, ты как? Цел?

— Цел.

— Иди за мной.

— Дядя Аркадий, я тут подумал Это не котел.

— Разумеется, не котел, — перебил он. — Взрыв, Андрюха. На траве и остатках сходней следы динамита. Ещё нашел обломки часового механизма.

Он говорил быстро, не сбавляя шага.

— Тот, кто его ставил, наверняка рассчитывал, что рванет уже на реке, когда мы отойдем от Лончаково. Бомба сработала при запуске машины. Либо совпадение, либо подрывник напортачил с задержкой и сам отправился к праотцам. Но если он был умнее

— Если он был умнее, то он вон там, — я кивнул в сторону площади. — Обратите внимание на мастерового. Лицо чистое. Он не из наших, и у сходней при посадке его точно не было.

Дядька проследил за моим взглядом. Потом резко повернулся к подошедшему крестному.

— Степан! Вон того мастерового видишь? Возьмите его под стражу.

Крестный, вытиравший окровавленное лицо платком, удивленно моргнул.

— Аркадий, а если не он?

— Извинимся и отпустим. Степа, брать немедленно, пока не ушел!

Крестный подал знак троим казакам. Те зашли с разных сторон, подскочили, заломили мастерового и, не слушая возмущенных криков, потащили в холодную.

Дядька повернулся к реке. На миг задумался, глядя туда, где на отмели застрял остов катера.

— Рубка уцелела, Андрей. Если капитан держал бумаги там, нам позарез нужна судовая роль. Сверим списки с выжившими и задержанным.

Он подошел к крестному.

— Степан! Нужны добровольцы на лодке. Надо проникнуть в разбитую рубку и достать капитанские бумаги, пока остов окончательно не ушел на дно. Его в любой момент может снести с мели.

Степан Анисимович хотел было кого-то кликнуть, но не успел. За его спиной появился Моренченко, а с ним ещё четверо кубанцев из новоприбывших.

— Дозвольте нам, Степан Анисимович, — сказал он. — Слышал, что нужно. Мы сдюжим.

Крестный оглядел их.

— Дело опасное, братцы. Течение Уссури здесь быстрое, непредсказуемое. На веслах ходить доводилось?

— По Уссури нет, — ответил Моренченко. — Зато по Лабе и Белой в весенний паводок хаживали. Там вода с гор так несется, что валуны ворочает. Уссури рядом не стояла. Веревка крепкая найдется?

— Добре. Сейчас найдем!

На берег притащили толстую пеньковую веревку. Саня Моренченко скинул сапоги, черкеску, пояс с кинжалом, шаровары. Оставшись в одном исподнем, он перехватил один конец и обвязал вокруг торса, второй бросил товарищам, которые уже сталкивали лодку на воду.

Моренченко сел на носу. Двое кубанцев взяли за весла, ещё двое устроились ближе к корме и держали свободный конец веревки.

Стремнина подхватила плоскодонку и понесла вниз, к торчащему остову. Когда лодка поравнялась с катером, течение стало тащить ее мимо. Гребцы развернулись носом против воды и налегли на весла.

Наконец лодка ткнулась в обгоревшую обшивку. Один кубанец ухватился за выступ, удерживая ее, а Моренченко прыгнул на скользкую палубу.

Катер скрипнул. Рубка уже наполовину ушла под воду. Окна выбиты. Моренченко, осторожно ступая по битому стеклу, добрался до перекошенной двери. Дернул. Не поддавалась. Тогда ударил плечом, высадил створку и исчез внутри.

Прошла минута. Течение било в остов пенными бурунами.

Раздался металлический скрежет. Катер сорвался с отмели, накренился и стал сползать на глубину.

— Держи его! — заорал крестный с берега.

Плоскодонку качнуло. Веревка, уходившая из лодки в рубку, натянулась струной. Катер уходил под воду, утягивая за собой Саню Моренченко.

Кубанец, державший веревку, уперся ногами в борта лодки. Гребцы налегли на весла, выгребая против течения. Остов погрузился почти целиком. Над водой осталась одна обломанная мачта.

Моренченко не появлялся.

— Тащи! Тащи, мать вашу! — крикнул дядька.

Казачи рванули веревку на себя. Раз. Другой. Что-то скрипнуло, и на поверхность вынырнул Моренченко, отплеываясь и хватая воздух.

Кубанцы подтянули его к плоскодонке и перекинули через борт. Лодка накренилась, черпнула воды, но устояла. Гребцы развернулись к берегу.

Когда лодка ткнулась в гальку, мы с дядькой уже были рядом. Моренченко ещё не отдышался. Руки и ноги у него были иссечены стеклом. Он опустил на песок, откашлялся, потом сунул руку за пазуху и вытащил кожаную папку, перетянутую ремешком.

— Держите, ваше благородие, — выдохнул кубанец, протягивая папку дядьке. — Еле успел.

Дядька взял папку, расстегнул ремешок. Вода внутрь почти не попала. Плотная кожа спасла. Листы с печатями отсырели по краям, но записи читались.

— Молодец, казак. Благодарю за службу, — сказал дядька.

Он повернулся к крестному.

— Степан! Всех, кто был на берегу, кто сошел с катера или хотел на него взойти, немедленно собрать в одном месте. Никого не выпускать из станицы. Виновник взрыва ещё здесь.

Мы направились в холодную, куда отволокли первого подозреваемого. Аркадий Игнатьевич на ходу развернул папку.

— Встать, — скомандовал он.

Задержанный вскочил. Видно было, что перепуган до смерти.

Дядька сверился со списком.

— Евстафьев Кузьма Силантьевич. Так?

— Так точно, ваше благородие. Мастеровой я.

— Где был во время взрыва?

Мужик затрясся сильнее, прижимая руки к груди.

— Ей-богу, не виноват! На пароход садиться должен был, да живот прихватило. Решил перед отплытием до ветру сходить. Обрато бежал, спешил, думал, уйдут без меня. И тут как грохнет! Я с перепугу в землю лёг, аккурат в пыль лицом. Потом вскочил и гляжу, беда. Раненых носить помогал.

Степан Анисимович шагнул вперед.

— Руки покажи.

Евстафьев протянул грязные ладони. Крестный взял его за запястья, наклонился, принюхался к пальцам и рукавам чуйки.

— Нет, — бросил он дядьке. — Ничем таким не тянет.

Аркадий Игнатьевич смерил мастеравого тяжелым взглядом и махнул казакам.

— Ладно. Отпускайте. Пусть идет на площадь, но из станицы ни ногой. Сейчас будем сверять всех, кто тут есть.

Мы направились в амбар.

Дядька встал посреди прохода с судовой ролью и начал переключку. Сначала записал раненых станичников, сверяясь со Степаном Анисимовичем и мной. Потом стал зачитывать фамилии пассажиров.

Раненых получилось четверо. Теперь надо было понять, кто среди убитых.

— Может, кто хорошо знал погибших?

Отозвался купец Тимофей Трифонов, которого уже сверили со списками.

— Там точно был лейтенант и двое гражданских. Чиновниками служили, вроде.

— Фамилии знаешь? — тут же подошел к нему дядька.

— Фамилий не помню, врать не буду. Но одного звали Аристарх, а второго, кажись, Нестор.

— Откуда знаешь?

— Так мы от самого Камня-Рыболова с ними всю дорогу в картишки перекидывались.

Офицера они Павлом звали.

Дядька уткнулся в отсыревшие листы, ведя пальцем по строчкам.

— С офицером просто. Лейтенант Павел Глебович Завадский. Он?

— Точно! Завадский! — оживился купец.

— Хорошо. Теперь гражданские. Смотрим, кто садился в Камне-Рыболове. Аристарх
Есть такой. Титулярный советник Аристарх Романович Белозеров.

— Да-да, он.

— Белозеров. — Дядька сделал отметку и повел пальцем ниже. — А второй Нестор. Ага.
Коллежский асессор Нестор Ильич Смирнов.

— Они самые и есть, — кивнул купец. — Упокой Господи их души.

Дядька переглянулся с крестным. Трое погибших благородий были опознаны. Четверо
раненых найдены.

Когда в амбаре с процедурой покончили, Аркадий Игнатъевич закрыл папку.

— Степан, теперь по своим пройдишь. Кто мог на борту оказаться?

Я вмешался:

— Дядя Аркадий, из наших никто на катер не поднимался. Капитан запретил сходи
переступать, пока благородия не поднимутся. Вас с Александром Ивановичем все ждали.

— Вот как? Хорошо. Это изрядно сужает поиск.

Мы вышли на площадь. Крестный махнул рукой толпящимся людям.

— А ну, станичники, расходись! Нечего тут глазеть!

Но народ уходить не спешил.

Дядька поднял голос:

— Погибшие установлены. Но на всякий случай сверимся. Если назову вас, ваших род
ственников или знакомых, дайте знать.

Он зачитал имена троих убитых пассажиров. Над площадью повисла тишина. Никто не
проронил ни слова.

— Значит, тут верно, — кивнул дядька. — Теперь раненые, кто находится в лазарете.

Снова зазвучали имена. Толпа молчала.

— И тут сходится. Теперь пассажиры, которые остались целы и находятся здесь. Их
восемь человек.

Он повел пальцем по списку.

— Ульяшенко Анна Васильевна!

— Я! — отозвался женский голос.

— Документы имеются?

— Да уж куда там, ваше благородие, — всхлипнула женщина. — Всё на катере осталось.

Дядька продолжил. Один за другим пассажиры откликались. У всех одно и то же: билеты
при себе не у каждого, паспорта и подорожные в основном остались в багаже.

— Викентий Мартынович Наумов!

Никто не отозвался.

— Наумов! Викентий Мартынович! — повторил дядька.

Наконец голос подал шуплый сутуловатый чиновник лет под пятьдесят. На носу у него
криво сидели круглые очки, одно стекло было разбито. Видно, и его хорошо приложило.

— Прошу прощения, ваше благородие, — отозвался он, протискиваясь вперед. — После
контузии совсем на ухо туг стал.

— У вас что с документами?

— Сейчас, сейчас Вот билетик чудом в жилетном кармане застрял. — Он дрожащими
пальцами протянул смятую бумажку. — А остальное тоже в саквояже на пароходе осталось.

Дядька глянул на билет, кивнул, сделал пометку в судовой роли и дочитал список до конца.

— Мирослав Спиридонович Кузьмин!

— Я! — откликнулся последний из восьмерки.

— С документами то же самое?

— Да, ваше благородие.

— Ладно. Тут тоже сходится, — пробормотал дядька и захлопнул папку.

Он повернулся к крестному, убирая документы за пазуху.

— Я уже поговорил с Юдинцевым на предмет ранений, теперь, Степан, нужно доклад составить в Хабаровку.

— Аркадий, ты же сам видел, — развел руками крестный. — Наш писарь в лазарете лежит.

— А у нас Викентий Мартынович есть. Он как раз писарем служил. — Дядька обернулся к толпе. — Викентий Мартынович!

Человек в разбитых очках стоял и безучастно смотрел перед собой.

— Степан, народ распускай, — бросил дядька крестному и снова крикнул: — Викентий Мартынович!

Ноль внимания.

— Ты посмотри, как его контузило, — покачал головой Аркадий Игнатьевич. — Совсем глухой.

Он подошел к щуплому писарю вплотную и наклонился к самому уху.

— Викентий Мартынович!

— А? Что?!

— Вы бы не могли нам бумаги оформить, как полагается для начальства в Хабаровке? — так же громко спросил дядька. — Чернила и бумага в правлении найдутся.

— Да да, конечно, ваше благородие. Сочту за честь.

— Вот и славно.

Дядька, я и этот писарь направились к крыльцу правления. Степан Анисимович, отдав распоряжения казакам, пошел следом.

Поднявшись на крыльцо, Аркадий Игнатьевич взялся за ручку двери.

— Прошу вас.

Викентий Мартынович кивнул и шагнул через порог.

В ту же секунду дядька вцепился ему в затылок за волосы и с силой приложил головой о дверной косяк.

Писарь рухнул на пол без сознания.

Подошедший сзади Степан Анисимович выругался:

— Твою ж бога душу мать! Аркадий, ты чего удумал?!

— Да закройте вы уже дверь наконец! — крикнул дядька, подхватывая обмякшее тело под мышки.

Мы втащили писаря в кабинет правления. На диване лежал Александр Иванович Урсати с кружкой в руке. Увидев, как дядька волочит человека по полу, инженер чуть не подавился водой.

Бросив тело на пол, Аркадий Игнатьевич принялся его обыскивать. Из-под одежды появились два метательных ножа в кожаных ножнах. Потом дядька поднял оброненную трость, крутнул набалдашник. Щелкнул замок, и из деревянного чехла вышло лезвие стилета.

Но и это было не всё. Дядька сдернул с пальца писаря массивный серебряный перстень.

— А вот это уже интересно, — пробормотал он. — Андрей, дай ремень.

Я стянул ремень. Они со Степаном Анисимовичем связали «писарю» руки и ноги, а потом примотали его к стулу. Только после этого дядька плеснул ему в лицо водой из графина.

Затем повернулся к дивану.

— Вот, Александр Иванович. Знакомьтесь. Ваш писарь, Викентий Мартынович Наумов. Инженер, опираясь на локоть, посмотрел на человека на стуле, потом на дядьку.

— Это не смешно, Аркадий Игнатьевич. Где Наумов?

— Вот и я говорю, что не смешно. Наумов погиб на катере похоже. А этот господин решил присвоить его имя.

Крестный скрестил руки на груди.

— Аркадий К чему весь этот хоровод на улице? Если ты еще по спискам понял, что это та самая гнида, которую мы ищем, чего сразу на площади не скрутили? Зачем в правление тащить?

Дядька выпрямился, поигрывая перстнем.

— А к тому, Степан, что, во-первых, казаки, узнав, кто это, могли разорвать его прямо там, еще до допроса. А он нужен живым.

Дядя кивнул на ножи и трость.

— Во-вторых, эта тварь свою жизнь просто так бы не отдала. Посмотри, как он экипирован. И всем этим наверняка умеет пользоваться. Полезли бы брать его в открытую среди людей, он бы пару-тройку человек успел прирезать. Я эту породу знаю.

Дядька поднял руку с перстнем, поддел ногтем неприметную защелку. Верхняя площадка откинулась, обнажив крохотное углубление с белым порошком.

— Ну и, в-третьих, здесь цианистый калий. Носил так, чтобы всегда под рукой. Понял бы, что отступить некуда, заглоти бы, и тогда концы в воду, ищи ветра в поле.

Дверь распахнулась, оборвав объяснение дяди. В кабинет влетел обеспокоенный Юдинцев.

— Братцы, атаман умер.

Глава 3. Слово офицера

— Так что ещё и Денис Иванович добавится в ваш рапорт, Аркадий Игнатьевич, — вздохнул Юдинцев и опустился на свободный стул.

Наш фельдшер обхватил голову руками, испачканными почитай по локоть в крови, и устался в пол.

В кабинете стало так тихо, стали хорошо слышны голоса казаков во дворе правления. Я глянул на крёстного, а тот разом побледнел, желваки пошли ходуном. Он хрустнул шеей и рванул с места.

— Ах ты ж гнида! — прорычал он, роняя стул.

Степан Анисимович кинулся напрямик к связанному писарю. Ещё пара мгновений, и он бы вцепился этому прыткому очкарику в горло.

Дядька среагировал мгновенно, бросился наперерез и оказался между крёстным и связанным. К нему тут же подскочил очнувшийся от оцепенения Юдинцев. Да и я, забыв про сломанную руку, шагнул помогать.

— Стёпа, стой! Остынь, кому говорю! — рявкнул дядька, упираясь обеими руками в грудь крёстного.

Втроём мы едва его удержали. Степан Анисимович тяжело дышал, его трясло от злости. Атаман, его близкий друг, боевой товарищ. Для станицы это трагедия. За меньшее здесь могли прикопать в тайге, не глядя на законы и циркуляры.

Когда крёстный перестал рваться вперёд, Аркадий Игнатьевич чуть отстранился, но рук не убрал.

— Степан, я всё понимаю, — заговорил он тише. — Но его в Хабаровку надо доставить живым. Понимаешь? Живым эта паскуда должна доехать, а не по частям. Надо провести расследование.

— Какие к лешему расследования, Аркаша?! — бросил крёстный. — Он Иваныча нашего убил! Сколько людей покалечил, сука!

— Мы не знаем, сколько таких по нашему краю ещё бегаёт, очками прикрываясь, — отрезал Аркадий Игнатьевич. — Не знаем, на кого он работает. А должны знать, иначе как врага бить станем, Стёпа? Охолони!

— А ты уверен, что это точно он? — Степан Анисимович повернул голову к пленнику и прищурился. — Почему тогда после взрыва на тракт не ушёл, пока на берегу суматоха была? Чего здесь-то тёрся, дурной, что ли?

— Всё просто, Степан. — Дядька кивнул на диван, где лежал инженер. — Александр Иванович, как видишь, цел. Царапины, контузия, но жив. По всему выходит, он и был главной целью этого писаря. Вот тот и остался, ждал ночи, чтобы завершить начатое.

Аркадий Игнатьевич повернулся к фельдшеру:

— Роман Васильевич, кто знает, что атаман умер?

— Пока никто, — устало отозвался Юдинцев, не поднимая головы. — Он у меня дома. Туда его перенесли как самого тяжелораненого. Думал, смогу вытащить, но

— Ладно. — Дядька коротко кивнул. — Надо потянуть время.

Степан Анисимович поправил сбившийся чекмень, подошёл к столу и опёрся на него пудовыми кулаками.

— Аркадий, я вот что тебе скажу. Этот крендель отсюда никуда не уйдёт. Хоть режь меня, но он теперь наш. Нужны показания — выбивай прямо тут. Иначе вы даже до тракта не дойдёте. Я тебя, может, ещё как-то пойму. А станичники за убийство атамана слушать про следствия не станут. Это казаки, Аркаша. Ты сам всё знаешь.

— Знаю, Степан, — сухо сказал дядька. — А кто вообще в курсе, что он здесь, в правлении?

Крёстный пожал плечами:

— Да особо никто, кажись. Казаков я отослал, раненым надо помогать, новопоселенцев размещать.

— Если сейчас выведешь его из кабинета, сроку ему полчаса, много час, — сказал Степан Анисимович и глянул на пленника. — Порвут за Иваныча голыми руками. И ни ты, ни я их не остановим.

Я смотрел на дядю и крёстного и понял: они начали свою игру, поняв друг друга, с одного взгляда. Дениса Ивановича уже не вернуть, а вот узнать, кто играет против нас такими картами, было нужно. Крёстный это тоже понимал.

— Аркадий, чего из мухи слона делать? — продолжил он уже другим тоном. — Давай его моим ребятам отдадим. У нас умельцы отменные, ещё никто не жаловался. А когда узнают, что этот очкастый натворил, с пристрастием поработают. Как миленький всё выложит.

— А что мысль, — протянул дядька.

Он подошёл к привязанному убийце.

— Значит так, любезный. У тебя два пути. Либо выкладываешь мне всё как есть, и я вытаскиваю тебя отсюда под охраной. Либо отдаю Степану Анисимовичу, а они уж потом сами всё на блюдечке мне принесут.

Пленник слотнул, перевёл взгляд с дядьки на крёстного. Видно было, что задумался. Я ждал, что он пойдёт в отказ. Экипировка серьёзная, яд тот чёртов. Походил он на умелого, хоть с виду и хлипковат. Но я ошибся.

Писарь заговорил, видно, трезво оценив положение. Когда эта паскуда открыла рот, я чуть не присвистнул. От прежнего сутулого глухаря не осталось и следа. Голос звучал твёрдо.

— Я так понимаю, вы Аркадий Игнатьевич?

— Верно понимаете, — невозмутимо ответил дядька.

— Дайте мне слово офицера, что я выберусь отсюда живым. И что не отдадите меня на растерзание этим дикарям.

Степан Анисимович за моей спиной шумно втянул воздух. Пленник продолжал смотреть только на дядьку.

— Слово офицера, — без раздумий ответил Аркадий Игнатьевич.

Крёстный поджал губы, но промолчал. Понял, для чего это всё.

— Степан, — сказал дядька, не отрывая взгляда от пленника, — надо поговорить наедине. — Он глянул на крёстного и меня. — Вот только этого без присмотра тоже оставлять здесь не след. А казаков я пока бы не ставил, мало ли кто горячий попадётся.

— Мне тоже торопиться нужно, перевязки ещё делать, — вздохнул Юдинцев.

— Ильку можно просить! — с ходу предложил я.

— Кто это такой? — нахмурился дядька.

— Гольд, местный охотник, Илларион Морозов, — пояснил крёстный. — Парень надёжный. А казаков сейчас сюда ставить нельзя, тут я с тобой согласен.

— Хорошо. Зовите своего гольда.

— Я его на площади видел, когда в правление шёл. Сейчас он там, — бросил Юдинцев и быстро вышел.

Через пару минут фельдшер вернулся с настороженным Илькой. Тот сразу оглядел кабинет и задержал взгляд на привязанном к стулу человеке.

— Доброго здравия, — поздоровался Илька.

— Здрав будь, Илларион, — подошёл к нему дядька. — Помощь твоя нужна. Покарауль вот этого. Не разговаривай с ним и не слушай. Если начнёт дёргаться или ещё чего удумает, можешь приложить разок для понимания. Только не до смерти.

— Сделаем, ваше благородие, — кивнул Илька. — Долго стоять нужно? А то мне уж в гасян пора.

— Недолго, скоро уж сменим. Да и его в другое место переведём.

— Добре, — подтвердил гольд и встал с ружьем возле двери, напротив пленника.

Мы вышли из кабинета в сени, потом на крыльцо правления. Степан Анисимович был напряжён. Весть про атамана выбила его из колеи. Рядом шёл дядька, за ним Юдинцев, ну и я.

От правления мы отошли шагов на двадцать. Аркадий Игнатьевич остановился и повернулся к фельдшеру:

— Роман Васильевич, спасибо. Хорошо вы мне подыграли.

— Чего? — замер Степан Анисимович. — Что значит подыграли?

— погоди, Степан, послушай и не кипятись, — поднял ладони дядька.

Но до крестного уже дошло, что его использовали втёмную. Он нахмурился и стал надвигаться на Юдинцева.

— Рома, — словом тот сверлил фельдшера взглядом.

— Рома, что с атаманом?

Юдинцев виновато отвёл глаза, поправил очки.

— Жив он, Степан Анисимович. Тяжёлый, рана худая, но жить Денис Иванович будет.

Так надо было, для дела надо.

Что тут началось.

За свою жизнь я много чего слышал: и в Одессе, и на «Костроме» в шторм. Но такого боцманского загиба от Степана Анисимовича слышать не доводилось. Мовет крестный! Помянул всех и никого не упустил.

Мы стояли, слушали и обтекали. Дядька сперва попытался его успокоить, но быстро бросил это дело и только виновато покашливал. Узнал он о себе много нового.

Наконец крестного попустило. Он шумно выдохнул и вдруг усмехнулся.

— Ну ты и артист, Аркаша. Эка всё развернул.

— Прости, Степан, — облегчённо сказал дядька. — Зато теперь он у меня точно заговорит. Этим я сейчас и займусь, а у вас своих дел полно.

— А чего сразу не сказал? Неужто я бы тебе не подмог?

— Да понимаешь, артист из тебя никудышный, — усмехнулся дядька. — Я это ещё со времён бабки Томки помню, когда вы с Василием у неё гусака спёрли. Она ж тебя тогда первого и расколола. А мне нужно было, чтобы ты разозлился по-настоящему. И получилось, видел бы ты себя. Там и мёртвый заговорит.

— Да уж, — буркнул крестный.

— А скажи, Степан, казаки бы взаправду самосуд учинили?

— Аркаша, когда Юдинцев рассказал про атамана, я сам готов был писаря этого придумать. Но до самосуда, конечно, не дошло бы. Дурных нет, такие на границе долго не живут. — Крестный задумался. — Ты мне вот что скажи: как ты вообще понял, что это он? И с писарем так ловко придумал?

— Мы в Большой Камень из Владивостока по тракту за полночь прибыли, — начал дядька. — Я, Александр Иванович и Викентий Мартынович Наумов. Чтобы ночью нигде не искать постоя, договорились в каюте до утра переночевать. Викентий Мартынович ещё в дороге прихворал, поэтому почти всё время в каюте и провёл. Те, кто поутру на катер погрузились, его не видели. А в Лончаково инженер Урсати велел ему отлёживаться. Царство небесное рабу Божьему Викентию

Дядька перекрестился.

— Когда по спискам в лазарете прошлись, я ещё надеялся увидеть Наумова на площади среди выживших. Но восемь пассажиров рассмотрел и понял: его нет. Вот тут всё и начало

складываться. Оставалось понять, кто занял его место. Ну, я и попросил откликнуться Викентия Мартыновича.

— И тот господин, — Аркадий Игнатьевич кивнул в сторону правления, — тоже смекнул, что он лишний и в списках не значится. Потому и отозвался на Наумова. Не сразу. Сначала контуженного изобразил, помнишь? Но не вышло.

— А на катере он как без записи в судовой роли оказался? — удивился Степан Анисимович.

— Это мы тоже узнаем. Думаю, взятку дал. Может, боцману, может, капитану.

Уже поднимаясь по ступеням вместе с Урсати, Аркадий Игнатьевич обернулся:

— И, Степан пришли всё-таки пару крепких казаков. Ильюку я сейчас отпущу, а сам займись допросом.

— Добре, будут тебе казаки, — кивнул крёстный.

Проводив его взглядом, Степан Анисимович повернулся к Юдинцеву:

— Роман Васильевич, Иваныч говорить может?

— Может. В сознании он, только недолго.

— Что-то меня гложет после всего этого, Рома. — Крёстный повернулся ко мне. — Пойдём, Андрей, к атаману.

Мы втроём поспешили к дому Юдинцева.

Перебинтованный Денис Иванович лежал на широкой кровати. В комнате сильно пахло карболкой и спиртом. Рядом с атаманом хлопотала Саша, поправляла влажную тряпицу на его лбу.

— Как там Степан? — Атаман приоткрыл глаза.

— Из лончаковских все живы, Денис Иванович, — ответил крёстный. — Некоторых посекло, тебе больше всех досталось. Трое пассажиров с катера погибли, да судовая команда, та, кажись, вся полегла. Кого-то уже нашли, кого течением унесло.

— Да Где наша не пропадала, Стёпа. Как-нибудь выкарабкаемся. — Он попытался улыбнуться. — Есть хоть предположение, что это было?

— Есть, Денис Иваныч, динамит это рванул. Даже часовой механизм нашли, вернее, что от него осталось. Уже выяснили, что целью был инженер Урсати. И того, кто всё провернул, тоже нашли. Да так искали, что на время пришлось тебя, атаман, в покойники записать. Но это примета верная, значит, долго жить будешь.

— Не понимаю, о чём ты, Степан

— Потом поведаю, история долгая. Сейчас лучше скажи, какие будут указания?

Денис Иванович прикрыл глаза, собираясь с мыслями.

— Степан ты мой наместник, станичным кругом в товарищи атамана выбранный. Так что заступай на моё место. Бери правление станицей на себя.

Пострадавшим помочь, новопоселенцев оформить и разместить. Хотели мы их в станичный амбар, но там теперь лазарет. Пару дней перекантоваться надо, пока Юдинцев со своим хозяйством не разберётся. Так что сам подумай, куда их. По службе сам всё знаешь. Пикеты не забудь, дозоры я бы усилил. Вроде всё из первостепенного.

Говорить ему было тяжело. Долго мучить атамана мы не стали, пожелали скорейшего выздоровления и вышли на улицу.

Крёстный первым делом занялся людьми. Хромого Семёна, который кашеварил в тайге на заготовке коры, отрядил организовать питание для всех: и для поселенцев, и для застрявших в Лончаково пассажиров с катера. В помощь ему отправил трёх смышлённых подростков. Кухню начали разворачивать в соседнем дворе у Медведовского. Стряпка у него была добротная.

К нам подбежал запыхавшийся Албазов.

— Степан Анисимович! На реке троих погибших матросов достали. Остальных, похоже, унесло течением.

— Снесите их пока в холодную, Денис Павлович. Там решим, здесь хоронить станем или в Хабаровку отправлять.

— Степан Анисимович, — подошёл к крёстному урядник Гордеев. — Сразу после взрыва, как только всё немного улеглось, я отправил Мельникова и Меренского в Козловскую. Велел телеграфировать в Хабаровку о случившемся.

— Добре, Семён Афанасьевич, — выдохнул крёстный. — А то за всей этой суетой я про то забыл.

Мы направились обратно к станичному правлению. Когда поднялись на крыльцо, дверь кабинета открылась. На пороге появился Аркадий Игнатьевич, закончивший допрос.

— Степан, нам нужно как можно скорее добраться в Хабаровку.

— Наши уже в Козловской, телеграфировать должны.

— Хорошо. Но купеческий катер или та же «Сунгача» придут сюда не раньше, чем через двое суток, — покачал головой дядька. — А до тех пор надо куда-то пристроить нашего чёртова писаря. И караул приставить надёжный.

— Кто он, Аркаша? Выяснил?

Дядька огляделся по сторонам.

— Увы, Степан, таких сведений я тебе предоставить не могу. Не обессудь.

Крёстный нахмурился, но спорить не стал. Забот и без того хватало. Он распорядился перевести пленника в холодную и приставить к нему усиленный караул.

— Теперь другой вопрос. Куда мне вас определить, Аркадий?

Он задумался.

— А, погодь. Есть мысль. Обождите здесь.

Крёстный вернулся минут через двадцать.

— Атаман дал добро определить вас на постой в его курень. Живёт он один уже как два года, а теперь у Юдинцева надолго застрял. Места вам с Урсати хватит.

Степан Анисимович подозвал Албазова и распорядился, чтобы тот выставил охрану у дома Огородника, а заодно проводил туда дядьку и инженера.

— Вы, Аркадий, пока устраивайтесь, а мы как закончим с делами, придём за вами. У нас вместе повечеряем.

Дядька ушёл с Урсати, а крёстный повернулся ко мне:

— Ну а теперь, Андрей, пойдём в правление. Надо решить вопрос с вновь прибывшими. Будешь моим писарем на сегодня, опыт у тебя уже имеется.

Он подмигнул.

Следующие несколько часов слились в бумажную волокиту. Я сидел за столом и скрипел пером: заполнял временные пропуска, вписывал в станичные книги имена, звания и приметы прибывших кубанцев. Рядом Степан Анисимович распределял людей. Дело шло медленно: семьи, документы, постой, приметы, жалобы.

На крыльце появился Олег. Уставший, в пыли, с чёрными от копоти руками. После взрыва он весь день таскал обломки и помогал при лазарете.

— Батя, когда вас ждать?

— Надеюсь, часа за два управимся. Ты вот что, скажи матери, пусть стол соберёт. Гости у нас сегодня будут.

Когда с регистрацией было покончено, крёстный распределил кубанских казаков и уцелевших пассажиров катера по куреням станичников. Семерых оставшихся кубанцев определили на сеновал, пару дней там переночуют, лето как ни как.

Дело близилось к вечеру. Мы только начали собирать бумаги, когда с улицы донёсся стук копыт. В дверь правления ввалились запыхлённые Прохор и Сашка Меренский.

— Степан Анисимович! — вытянулся Прохор, вытирая лоб рукавом. — Докладываем! Телеграмму в Хабаровку отправили. Дежурный офицер подтвердил получение. Велели ждать, и передали, что «Сунгача» выйдет при первой возможности.

— Добре. Спасибо за службу, братцы.

Мы направились к куреню Огородника. За высоким забором во дворе уже рассредоточились трое казаков во главе с Албазовым. Их поставили охранять важных персон.

— Как тут у вас, Денис Пальгч?

— Слава Богу, Степан Анисимович, — отозвался Албазов. — Периметр закрыли, караул ночью сменим. Надолго это, Степан?

— Пара дней, пока «Сунгача» не придёт за ними.

На голоса из дома вышел дядька.

— Аркадий, собирайтесь.

— Александр Иванович уже спит. Намайлся он за день, — ответил дядька, спускаясь с крыльца. — Так что я один и готов.

Мы попрощались с казаками и двинулись к нашему куреню. Во дворе нас встретил Олег, крёстный тут же познакомил его с дядей Аркадием.

Едва мы ступили в сени, нос уловил ароматы, и живот сразу заурчал. Акулина Никитична суетилась у печи. Сперва она дядьку не заметила и бросилась с расспросами к Степану Анисимовичу:

— Степан, как там на берегу? Разобрались?

— Всё уладилось, матушка, — ответил крёстный и посторонился.

Акулина Никитична подняла глаза, увидела высокого гостя в мундире и замерла.

— Батюшки мои Аркашка?

Старушка бросилась к нему и обняла. Аркадий Игнатьевич тоже просиял, бережно прижал её к себе.

— Здравы будьте, тётя Акулина! Почитай два десятка лет не виделись.

Акулина Никитична пустила слезу. Дядька тепло поприветствовал Пелагею Александровну, познакомился со смущённой Татьянкой, и только после этого мы сели за стол.

Пелагея Александровна выставила соленья, горячее, пироги. Степан Анисимович налил по чарке. Вечер пошёл своим чередом. Дядька рассказывал о службе и переездах, не вдаваясь в подробности. Крёстный говорил про наше обустройство и бой с хунхузами.

— А мы ведь сегодня с Андреем должны были в окружное правление ехать, — сказал он. — Земельный пай ему оформлять и коня его, Беркута, забрать нужно из нашей конюшни. Ты знаешь, Аркадий? Коня ему какой-то купец с «Костромы» подарил.

— Того Беркута? — улыбнулся дядька. — По дарственной от Назарова прошёл?

— Да, дядь, вот такая оказия вышла, — ответил я.

— Ну поздравляю, племянник. Хороший подарок, владей.

— Благодарствую, дядь Аркадий.

— Летом думали уж строиться начать. Андрюхе помаленьку надо своим хозяйством обживаться, — продолжил крёстный. — Но теперь, с последними событиями, даже не знаю, когда за это возьмёмся. Дел невпроворот.

Олег, уплетавший пирог с края стола, вдруг перебил отца:

— Бать, а ведь Лёшка сегодня приходил. Опять на работу просился. Говорит, пока один пришёл, но на днях остальные возвращаются, на том же месте лагерем встанут.

Дядька насторожился.

— Что ещё за Лёшка?

— Да это мы так манзу-отходника зовём, — отмахнулся крёстный. — Вообще-то его Ли по-ихнему кличут, но нам привычнее Лёшка, да Лёшка. Они каждое лето к нам нанимаются, рыбачат тут бывает, по хозяйству помогают за плату малую.

— И где он сейчас, Олег? — Дядька чуть подался вперёд, не сводя глаз с брата.

— Да шут его знает, — пожал плечами Олег. — Как взрыв на реке раздался, мы все побежали к правлению да на пристань. Потом я почти весь день в лазарете и на берегу помогал чем мог. Затерялся он где-то в суматохе той.

— Ясно, — сказал Аркадий Игнатъевич.

Он постучал пальцами по столу, поднялся и машинально одёрнул мундир.

— Ладно, Степан, Акулина Никитична, Пелагея Александровна, благодарю за хлеб-соль. А мне пора. Ты Степан, не провожай, я сам дорогу хорошо запомнил.

Мы смазано попрощались. Аркадий Игнатъевич вышел в сени. Хлопнула дверь и за столом повисла тишина.

— Чего это он так подорвался? — спросила Пелагея Александровна, недоумённо глядя на мужа. — Будто ошпаренный выскочил.

Степан Анисимович тоже был удивлён, но быстро взял себя в руки.

— Да пойми этих торговых агентов, — произнёс он, нарочито выделив последние слова. — Завтра, поди, узнаем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.